Всемилостивейшая Государыня! Воззри на слезы отчаянной семьи моей, да милосердие великой монархини прославлено будет так, как прославляются все добродетели Вашего Величества Я имею честь навсегда с глубочайшим благоговением остаться, и пр

Градицци»

Можно было бы не воспроизводить полностью этот своего рода образец изящной словесности, если бы ниже не стояла другая подпись «Переводил титулярный советник Денис Фонвизин» [1]

«Дело Градицци» интересно благодаря целому ряду обстоятельств Во-первых, его участниками оказались сразу три человека, вошедшие в историю русского театра,— Д И Фонвизин, И П Елагин, Ф Градицци, хотя относится оно к тому времени, когда первые двое еще не стали в полной мере теми, кем они навсегда остались в отечественной культуре В марте 1766 г Елагин еще не занимал поста директора императорских театров, а его недавно лишь отметивший двадцатилетие секретарь делал только первые шаги на поприще драматургии, занимаясь переводами и переделками иностранных пьес Во-вторых, обращает на себя внимание наличие автографа Фонвизина И, в-третьих, сюжет с прошением содержит интригу менее чем год назад, в июне 1765 г , оно уже подавалось Елагиным Екатерине и получило отказ И, следовательно, должны существовать веские причины, побудившие Елагина повторно представить императрице ту же самую челобитную

Обстоятельства, соединившие Елагина и Фонвизина, и история их взаимоотношений хорошо известны, и освещение их не входит в задачу данной работы Стоит только напомнить, что именно незаурядный переводческий талант юного Фонвизина способствовал как его ранней литературной известности, так и началу чиновничьей карьеры и сближению с могущественным статс-секретарем С этой точки зрения интересно взглянуть на фонвизинский перевод прошения Он датируется 1765 г и может служить образцом поручений, выполняемых Фонвизиным на службе Но хотя Фонвизин довольно часто привлекался Елагиным в качестве переводчика в помощь по одной из важнейших статс-секретарских обязанностей — приему и обработке челобитных, перевод, не просто завизированный Фонвизиным, а полностью написанный его рукой, совсем не типичен для бумаг елагинской канцелярии этого времени Может быть, появление автографа вызвано чувством своего рода «цеховой солидарности», испытанным моло-

[1] РГАДА, ф 10, оп 1, ед хр 503, л 417